

Т. Г. Иванова. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. 223 с.

Историография любой науки — форма ее самосознания и средство познания закономерностей ее развития. Фольклористика — одна из гуманитарных наук, для которой характерен постоянный интерес к историографическим исследованиям, причем традиционно ее рассматривали либо в связи с этнографией, либо в связи с литературоведением. В европейской науке, в частности, в славистической фольклористике, накоплен в этой области ценный опыт. Достаточно назвать двухтомный труд А. Н. Пылина «История русской этнографии», монографию Дж. Кокьяры «История фольклористики в Европе», двухтомную «Историю польской фольклористики» под ред. Ю. Кшижановского, коллективный труд «Слов'янска фольклористика» (Киев, 1988), двухтомную «Беларускую фалькларыстику» (Минск, 1989), серию историографических выпусков Трудов Института этнографии АН СССР, три специальных выпуска ежегодника «Русский фольклор» и ряд монографий, посвященных истории изучения разных жанров. Настольной книгой фольклористов остается двухтомная «История русской фольклористики» М. К. Азадовского, хотя второй том ее подвергался справедливой научной критике. Книга Т. Г. Ивановой находится в русле названных и других исследований, но восполняет самый заметный пробел в истории русской фольклористики, вносит существенные коррективы в концепцию М. К. Азадовского и в знание состояния отечественной науки в начале XX в.

Написанная в форме биографических очерков, посвященных выдающимся фольклористам XX в., книга Т. Г. Ивановой является вместе с тем целостным исследованием. Эта целостность проявляется в последовательном целеустремленном анализе наследия каждого из избранных автором ученых под единым углом зрения — как характерного представителя какого-либо важного направления в русской фольклористике обозначенного периода в ее истории (что формулируется в подзаголовках каждого очерка). Пафос исследования Т. Г. Ивановой — в доказательстве, как пишет сама автор, «полифонии» направлений, т. е. системы дополняющих друг друга и взаимодействующих между собой течений в области изучения фольклора, различных научных «школ» и методов, а также различных форм научной деятельности отдельных ученых. В результате четко очерчен круг не только своеобразных и ярких личностей, но и создан своего рода групповой портрет типичных деятелей русской науки начала XX в. Т. Г. Иванова внимательно прослеживает пути вхождения их в большую фольклористику, анализируя различные истоки и побуждения их фольклористических исследований. Интересно поставлена и убедительно решена в нескольких случаях проблема «учитель и ученик» в науке, раскрываются подчас сложные и даже парадоксальные взаимоотношения между ними (например, Вс. Миллер — А. В. Марков — А. Д. Григорьев — братья Б. и Ю. Соколовы). Все эти наблюдения и выводы основаны на большом, часто впервые вводимом в научный обиход фактическом материале (архивные источники, мало известные публикации, другие критические отобранные источники). Ряд научных биографий в книге, в сущности, впервые предстает с такой полнотой в отечественной науке (Е. В. Аничков, В. Н. Андерсон, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков). Другие научные биографии дополняются новыми свежими фактами и характеристиками (Д. К. Зеленин, А. В. Марков, братья Б. и Ю. Соколовы, О. Э. Озаровская). Каждый очерк снабжен обширной библиографией.

Другим связующим звеном в цепочке очерков-персоналий оказывается лейтмотив «связь науки с художественной литературой». В этом контексте анализируются отзвуки исследовательской мысли ученых в творчестве некоторых писателей и поэтов, личные отношения между фольклористами и мастерами искусства, воздействие научных трудов на их художественное творчество, особенность фольклоризма того или иного поэта или прозаика, их собственные фольклористические опыты (А. Блок, А. Ремизов, М. Пришвин, В. Шергин). Такая установка автора делает исследование одинаково интересным для фольклористов и историков русской литературы, сближает фольклористику с литературоведением, что отличает книгу от фольклорно-этнографического подхода.

Введение и заключение в книге придают ей также целостность, содержат рассуждения об общих особенностях и закономерностях развития русской филологической фольклористики начала XX в.

В книге убедительно критикуются некоторые устоявшиеся характеристики и оценки; причем это относится и к некоторым авторитетным исследователям — предшественникам автора. Заново, свежим взглядом Т. Г. Иванова прочтала, казалось бы, хорошо известные труды самих персонажей ее книги и историографические исследования, им посвященные. Проясняются, в частности, взаимоотношения последователей «исторической школы», определяется более точно место в истории фольклористики каждого ученого, ставшего объектом исследования. Права Т. Г. Ивановой, доказательно отвергая утверждение о якобы имевшей место «ревизии» наследия А. Н. Веселовского его последователем Е. А. Аничковым. Замечу лишь, что характеристика этого ученого была бы полнее и еще более убедительной, если бы Т. Г. Иванова уделила внимание его составительской, редакторской и авторской работе в процессе создания «Истории русской литературы», особенно первой части этого коллективного труда — «Народная словесность», а тему Аничков и Блок желательно было бы дополнить темой Аничков — Блок — С. Городецкий.

Рецензируемая книга вместе с тем побуждает к обсуждению некоторых спорных или не до конца проясненных вопросов. Выскажу прежде всего соображения по поводу хронологических рамок исследования. Обозначение их «началом XX в.», в целом правомерное, все же нуждается в уточнении. Вызывает сомнение корректность формулировки «предоктябрьская эпоха в фольклористике» (с. 6, 10). В данном случае сказывается инерция рассматривать историю науки по периодам гражданской (политической) истории. Мне уже приходилось критиковать такую периодизацию и обращать внимание на несова-

дение этапов в истории науки, определяемых внутренними закономерностями ее развития, с этапами в истории общества. Да и сама Т. Г. Иванова в заключение признает и убедительно иллюстрирует, что все характерные признаки и тенденции, сложившиеся в фольклористике начала XX в., присущи и русской фольклористике 1920-х гг. Так, на с. 199 книги читаем: «Фольклористика сумела не только сохранить тот положительный импульс, который был заложен в науке 1900—1910 гг., но и развить его дальше» (см. также с. 200—201). Хотя, разумеется, с Октябрьским переворотом изменились внешние условия жизни русских ученых, а некоторые оказались за рубежами родины, но сложившиеся в начале века научные интересы, направления и методы исследования русских фольклористов оставались прежними. Реальная граница, прервавшая органическое последовательное развитие русской фольклористики, приходится не на 1917 г., а на переломные в идеологической сфере 1933—1934 гг., что отразилось в приходящихся на это время выступлениях М. Горького, статьях Ю. М. Соколова и в известных дискуссиях. В некоторых своих очерках сама Т. Г. Иванова переходит ровную хронологическую черту и правомерно включает материал и факты биографии ученых, относящиеся к 1920-м гг. (а иногда и к началу 1930-х гг.). Но это делается как бы *post-scriptum*, скороговоркой, причем с неравной полнотой, избирательно, а иногда очерк резко обрывается, например: «...мы обрываем изложение научной биографии Д. К. Зеленина 1917 годом» (с. 161). Этот сознательный обрыв тем более огорчителен, что важнейший труд ученого и ряд статей, характеризующих его как яркого представителя «этнологического направления», относятся как раз к 1920-м — нач. 1930-х гг. Кстати, в связи с этим в книге допущена одна неточность и замечен провал в характеристике преемников Д. К. Зеленина. Т. Г. Иванова считает «...ближайшими последователями» его Н. И. и С. М. Толстых (с. 158). В действительности не только ближайшим, но и непосредственным преемником Зеленина был П. Г. Богатырев, начавший научную деятельность в 1915 г. и оригинально развивший этнологическое направление в фольклористике 1920-х гг., а также разработавший «синхронный метод» и функциональный метод (по его собственному признанию воспринятый у Зеленина). Об этом писал еще Б. Л. Огибенин, особенно важна публикация переписки Богатырева и Зеленина и других материалов в связи со 100-летием Богатырева (в «Этнографическом обозрении», «Живой старине», «Кунсткамере»). Промелькнувшего в книге беллого упоминания о Богатыреве явно недостаточно. Этот выдающийся ученый заслуживает особого внимания в связи с проблемой наследования русской наукой 1920-х — 1930-х гг. основных черт фольклористики начала XX в.

Разумеется, автор имеет право на ограничение предмета исследования определенными хронологическими рамками, и Т. Г. Иванову можно упрекнуть лишь в непоследовательности в этом отношении и в недостаточно убедительном обосновании ограничения. Заключение в книге можно оценить не столько как обобщение выводов ее глав, сколько как заявку на предстоящее исследование или как программу для других историографов фольклористики.

Из частных замечаний по отдельным главам ограничусь несколькими соображениями. Спорным, на мой взгляд, является стремление представить А. В. Маркова лишь как последователя «исторической школы». Оно не согласуется с приведенным в подзаголовке определением его как «постоянного оппонента» В. Ф. Миллера. Марков был не просто строптивым учеником главы «исторической школы». Poleмика его с учителем вызвана не только и не столько полемической натурой, сколько осознанным отклонением от основного направления «исторической школы», что недвусмысленно сформулировано им самим в цитируемом в книге документе, где «историко-бытовому направлению» школы Миллера противопоставлено особое «историко-социологическое» направление (заявленное Марковым в статье «Бытовые черты русских былин» (с. 50). Кстати, осталось без внимания и не расшифровано Т. Г. Ивановой то, что к этому направлению сам Марков относит еще трех неназванных своих последователей. В связи с этим не вполне убедительно безоговорочное отнесение к «Миллеровскому крылу» братьев Б. и Ю. Соколовых. Если это справедливо по отношению к Борису, то не доказано, что Юрий Соколов был последовательным сторонником «исторической школы». Братья Соколовы были близнецами по рождению, но не в науке. О содержанном отношении Ю. М. Соколова к методологии Вс. Миллера и его прямым последователям я писал в статье «Историческая школа в русской фольклористике» (1965), поэтому не буду сейчас аргументировать свое возражение.

Несколько выпадает из общей композиции книги очерк о А. Д. Григорьеве. Более половины текста занимает характеристика не фольклористической деятельности, а занятий ученого древней русской литературой и диалектологией. Хотя автор мотивирует это особенностью научного метода Григорьева — фольклориста, применившего к изучению былин опыт русской медиевистики, все же литературоведческая и лингвистическая проблематика приобрела самодовлеющее значение. К тому же в подзаголовке неточно сформулировано, будто Григорьев применил «методы» (во множественном числе) изучения древнерусской литературы, в то время как в очерке речь идет о текстологических принципах разделения былинных сюжетов на «...редакции, типы и разновидности» (с. 114). Разумеется, к этому не сводится ни методология изучения памятников средневековой письменности, ни методология изучения народного эпоса. Обстоятельно описав полевыми работу Григорьева и историю публикации его собрания (впервые с такой полнотой) и справедливо опровергнув ходячее мнение о принадлежности Григорьева к «исторической школе», сама Т. Г. Иванова в конце очерка признает: «Строго говоря, А. Д. Григорьев не был исследователем фольклора» (с. 115).

В очерке о В. Н. Андурсоне, в целом вполне объективном и отличающемся в лучшую сторону от предшествующих характеристик его деятельности в советской фольклористике, в завершающей части очерка, на мой взгляд, недооценено значение для русской фольклористики «финской школы», оказавшей не всегда открыто заявленное воздействие на конкретные исследования и на опыты классификации сказок. Причины изменения позиции Н. П. Андреева в 1935 г. нуждаются в объяснении. Среди последователей Андурсона необходимо назвать плодотворно работающего его непосредственного ученика И. Г. Левина.

В целом книга Т. Г. Ивановой — оригинальное, глубокое исследование, отличающееся новизной, открывающее новые перспективы изучения одного из важнейших этапов в истории русской фольклористики первой трети XX в.

Но даже хорошая книга Т. Г. Ивановой не ослабляет чувства неудовлетворенности общим положением в современной историографии фольклористики. В начале рецензии я уже отметил два традиционных направления историографических исследований: они ведутся либо в этнографическом, либо в литературоведческом контексте. Современная же наука особенно остро нуждается в исследованиях синтетических, где бы история фольклористики рассматривалась как процесс взаимодействия и интеграции этнографических, филологических, музыковедческих, театроведческих, хореологических изучений фольклора как сложного полиэлементного и полифункционального искусства, как феномена народной художественной культуры в целом. Это, разумеется, трудная задача, и она под силу коллективу фольклористов разных специальностей. Такие коллективы в России (а также в Белоруссии и на Украине, в других странах) есть. Надеюсь, что имеющиеся в этой области опыты, особенно коллективный труд «Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии» (Минск, 1993), ускорят создание такого синтетического исследования в обозримом будущем.

В. Е. Гусев

© 1996 г., ЭО, № 5

Теребихин Н. М. Сакральная география русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993. 223 стр.

Появление новой книги — всегда событие, но событием оно становится вдвойне, если эта книга выходит в провинции, вдали от общепризнанных вузовских и академических центров, поэтому без преувеличения можно сказать, что рецензируемая книга знаменует собой новое направление в изучении традиционной культуры народов Европейского Севера России и Северной Европы. Предмет исследования автора — традиционная культура, организация и освоение пространства (сакральная география), пространственный менталитет поморов, норвежцев, саамов, ненцев и коми. Выделяя два уровня сакральной географии, — систему «религиозно-мифологических представлений о строении сакрального ландшафта земель Севера» и свойств народов, их населяющих, и систему «реальных географических объектов, наделенных определенным сакральным смыслом», порождающих «религиозно-мифологический образ русского Севера как локального варианта (диалекта) картины мира русского народа», что составляет «основу „этнографического“ самосознания поморов, их пространственного менталитета» (с. 4—5), автор видит свою задачу в реконструкции этого мировоззрения.

Во введении излагаются концептуальные положения и принципы исследования, подробно развиваемые далее в четырех главах. Автор оперирует такими понятиями и категориями как «пространство», «хронотоп», «трехчастная структура мира», «бинарная оппозиция». При этом явственно прослеживается сильное влияние на его позицию сторонников и основателей школы семиотического анализа — М. Элиаде, В. Тернера, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, а также философов религиозного направления — Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, Г. П. Федотова и других.

Нельзя не сказать, что попытка автора реконструировать религиозно-мифологический образ русского Севера отчасти удалась. Принимая во внимание такие исходные составляющие этноцентрической картины-модели мира как «море», «корабль», «остров», «город», Н. М. Теребихин, основываясь на принципе бинарных оппозиций, воссоздает контуры общего религиозно-мифологического облика севернорусской поморской культуры через призму христианских воззрений. Рассматривая мир христианской и христианизированной культуры, он описывает его ключевые понятия-символы — крест, часовню, храм, являющиеся маркером границы мира живых и мира мертвых, своего рода контактные зоны, участки перехода, формирующие «священную топографию» (с. 56), а также прослеживает эволюцию их формы, образа и содержания (с. 55—102).

К сожалению, наряду с упомянутыми достоинствами, книга Н. М. Теребихина изобилует многочисленными недостатками.

Объективной тенденцией последних двух — трех десятилетий, своего рода традицией, стало осмысление традиционной народной культуры в культурологическом или, точнее сказать, философическом ключе. Такая практика становится все более популярной и приобретает новых сторонников. Конечно, в этом есть свои как положительные, так и отрицательные стороны, прямо или опосредованно влияющие на интерпретацию источниковой базы данных и ее анализ. К числу негативных моментов современной культурологии относится иногда схематическая социологизация и не вполне оправданно подчеркиваемая культурологизация (не в лучшем смысле этого слова) предметов и явлений духовной, реже материальной культуры, что часто придает концептуальным построениям характер ирреальности описываемого.

Увы, но книга Н. М. Теребихина не стала исключением из этого печального сложившегося правила. При чтении ее не покидает чувство какой-то недоговоренности и недостаточной аргументированности. Впечатление усиливается из-за отсутствия какого бы то ни было обзора источников, анализа методологий и концепций, имеющейся литературы. Изложение авторской концепции базируется на использовании преимущественно дневников путешествий и научной литературы. Складывается ситуация этно-